

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЁДОРОВНА И ЕЁ ДНЕВНИКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ

Среди представителей династии Романовых рубежа XIX–XX веков было немало замечательных людей, внесших большой вклад не только в политическую или военную сферу, но и в общественную жизнь России, в русскую культуру и науку. К числу наиболее ярких и авторитетных членов Дома Романовых, бесспорно, принадлежала супруга Александра III императрица Мария Фёдоровна (1847–1928), чья жизнь вместила в себя и бурную эпоху преобразований Александра II, и спокойно-монументальное царствование мужа, Александра III, и тревожное правление сына, Николая II, и трагическую пору войн и революций, и горечь вынужденного изгнания. Юная датская принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмар в молодые годы пережила первое тяжёлое несчастье: в 1865 г., в возрасте 21 года, скончался её жених российский цесаревич Николай Александрович, старший сын Александра II. Дагмар искренне любила своего суженого, и его смерть стала для принцессы настоящим потрясением. Став женой брата Николая Александровича – нового наследника престола Александра, будущего Александра III, Дагмар, теперь уже великая княгиня Мария Фёдоровна, горячо и преданно полюбила его и сохранила это чувство на всю жизнь. Так же искренне, открытым сердцем полюбила она и свою новую родину – Россию, с которой отныне была связана вся её судьба. По традиции российского двора в ведении Марии Фёдоровны находились многочисленные благотворительные, воспитательные и медицинские учреждения, относившиеся к Ведомству императрицы Марии («старшей» Марии Фёдоровны, супруги Павла I), возглавляла она и Российский Красный Крест. Мария Фёдоровна много сил отдавала этой деятельности, и недаром потом поимённо помнила сестёр милосердия своих госпиталей и лечившихся там уже во время Первой мировой (германской) войны офицеров. Менее известна деятельность императрицы на ниве культуры и просвещения. Она была одним из инициаторов создания в Москве знаменитого Исторического музея. Жертвовала на строительство и Московского музея изящных искусств (имени Александра III, ныне – ГМИИ им. Пушкина), где один из залов носил её имя. Общалась и переписывалась со многими прославленными «героями» русской науки и культуры – от Н.Н. Миклухо-Маклая до гениев вкуса Серебряного века. Ей посвящали стихи и музыкальные произведения, включая цикл романсов великого Чайковского. Она и сама неплохо рисовала, о чём свидетельствуют несколько написанных маслом её работ, хранящихся в российских музеях. В общем императрица Мария Фёдоровна была Личностью, высоко культурной, одарённой, неординарной.

Правление Александра III оказалось недолгим, ещё совсем в не пожилом возрасте Мария Фёдоровна потеряла своего бесконечного дорогого «Сашу». А дальше было почти 35 лет вдовства и всё новые и новые потери. В 1899 г. скончался молодой сын Георгий, страдавший туберкулёзом. Тяжёлые переживания закалили характер, сделали её сдержанной и достаточно волевой женщиной. Многим эти качества казались суровостью. Но авторитет Марии Фёдоровны в период, когда во главе империи стоял её сын – Николай II, был велик: к ней тянулись яркие, мыслящие, деятельные люди и она, в свою очередь, старалась привлечь внимание к ним. Жизнь показала, насколько верными были предчувствия вдовствующей императрицы. Разразившаяся Первая мировая война произвела на неё сложное впечатление. Надо сказать, что Мария Фёдоровна всегда испытывала к Германии стойкую неприязнь, но война обернулась крахом не только кайзеровского рейха. Ещё в 1916 г. императрица уехала в Киев, где занималась делами Красного Креста. В дни отречения Николая II она ездила к сыну в Ставку, пытаясь ободрить и утешить его. А в конце марта пришлось перебраться в Крым, куда, в свои имения, переехали и многие другие Романовы. Так началась их двухлетняя крымская «эпопея». Здесь были обыски и домашние аресты, при большевиках жизнь Романовых буквально висела на волоске, потом пришли нелюбимые императрицей немцы и так продолжалось до весны 1919 г., когда на борту английского линкора «Мальборо» императрица и её родственники не уехали из России навсегда. До Марии Фёдоровны, конечно, доходили слухи о страшной судьбе её сыновей – Николая и Михаила, новости – Александры Фёдоровны, внука и внучек... Но она не хотела им верить. Так до конца жизни она и продолжала считать, что достоверных известий о её родных не имеется. Осознание всего ужаса происшедшего было уже не по силам много пережившей и совсем не молодой женщине. Мария Фёдоровна была живым символом ушедшей, старой России. Когда она умерла, её оплакивала вся русская эмиграция – ведь вместе с ней становилась историей ещё одна страница семейного романовского альбома, закончилась жизнь последней русской императрицы...

Мария Фёдоровна, как и почти все Романовы, многие годы вела дневники. Часть их, за дореволюционный период, сохранили российские архивы, другую часть – императрица взяла с собой в эмиграцию, где также продолжала делать ежедневные записи. Долгое время судьба этих пред- и пост-революционных и эмигрантских дневников была неизвестна. Но в 2001 г. произошло важное событие: знаменитый музыкант и большой ценитель русской истории и культуры М.Л. Ростропович приобрёл саквояж с дневниковыми книжками Марии Фёдоровны у живущей в Англии Ольги Андреевны Романовой. Выяснилось, что дневники после смерти императрицы оказались в руках её дочери великой княгине Ксении Александровны, от которой, по-видимому, перешли к её старшему сыну князю Андрею Александровичу, после смерти которого остались у его вдовы княгини Надин Романовой, скончавшейся в 2000 г. Дочь Андрея Александровича и Надин, Ольга Андреевна, правнучка Марии Фёдоровны, и была последним из рода Романовых владельцем дневников. Прекрасно понимая, какой

важный исторический источник находится в его руках, и как важно сделать его достоянием читающей публики, М.Л. Ростропович передал тексты дневников для публикации московскому издательству «Вагриус». После долгой подготовительной работы книга увидела свет в 2005 г.

Над публикацией трудился целый авторский коллектив. Общее руководство проектом осуществляла историк Ю.В. Кудрина, автор многих работ об императрице Марии Фёдоровне и о русско-датских связях XIX–XX вв. Она же стала автором вступительной статьи, принимала участие в переводе, подготовила комментарии. Перевод текста дневников с датского языка осуществили также заведующий кафедрой скандинавских языков МГИМО А.Н. Чеканский и О.Н. Дудочкина-Крог. Это была очень нелёгкая работа, ведь почерк Марии Фёдоровны довольно не прост для расшифровки, а многие слова (в особенности это касается имён) автором сокращались. Но результат большого труда налицо: в книге опубликованы дневники с 1914 по 1920 гг. и за 1923 г. (из подборки дневников, приобретённых М.Л. Ростроповичем, с добавлением дневников, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, и текста дневника за 1915 г. из датской журнальной публикации начала 1930-х гг.). Чем же интересны для читателя дневники Марии Фёдоровны? Что нового они добавляют в наши знания о ней? Ведь только за последние годы о Марии Фёдоровне опубликованы две солидные книги: уже упоминавшаяся Ю.В. Кудриной «Императрица Мария Фёдоровна (1847–1928)» (М., 2000) и А.Н. Боханова «Судьба императрицы» (М., 2004).

Как только начинаешь читать дневники, прежде всего бросается в глаза ошеломляющее обилие имён, названных или даже лишь вскользь упомянутых на их страницах. Это десятки и сотни людей, которые проходили перед глазами императрицы, с которыми она общалась, встречалась, беседовала или вела переписку. Это – настоящая энциклопедия России (и не только России) того времени. Причём среди этих лиц далеко не все – родственники или члены августейших домов Европы: здесь министры и генералы, придворные и офицеры, сёстры милосердия и «простые» слуги... Императрица всех знала, всех помнила и всех отмечала в дневнике. Это была та самая – феноменальная, «романовская» память, которая являлась характерной чертой всей императорской династии. Но это было также, и прежде всего, глубоко внимательное отношение к окружающим людям, отношение не просто воспитанного, но и очень искреннего человека. Имена многих, особенно близких или хорошо знакомых людей Мария Фёдоровна писала сокращённо (или по семейным прозвищам или даже просто по инициалам), поэтому расшифровать, кто имелся в виду, для публикаторов было делом не простым. В конечном итоге потребовалось составить большой именной указатель, своего рода краткий биографический словарь, в создании которого внёс существенную лепту и автор этих строк. Всего в словаре оказалось более полутора тысяч имён, и о каждом нужно было представить какие-то сведения. Эти имена дают представление о том широком круге лиц, которые входили в сферу общения императрицы, они представляют собой исторический срез России на изломе её истории,

свидетельствуют о непростых, порой трагических судьбах людей революционного лихолетья.

Много выстрадала в те годы Россия, много довелось пережить и её бывшей государыне. Со страниц дневников предстают перед нами картины жизни императрицы в Петербурге и Киеве, в Крыму и на Мальте, в Англии и Дании... Мария Фёдоровна фиксирует свои впечатления, мысли, переживания. Краткая форма дневника не даёт возможности для развёрнутых размышлений, но даже в ёмких, обрывистых фразах чувствуется боль за Россию, беспокойство за судьбу страны. Многие события нашли отражение в дневниках: это и Первая мировая война, и убийство Распутина, и отречение Николая II, и революции 1917 г.... Оценки очень отточены, эмоционально окрашены. И между тем в тексте дневников почти не ощущается какой-то тревоги или страха за свою собственную судьбу. Мария Фёдоровна выступает в этих скупых строчках как сильная, очень цельная натура. Недаром, находившиеся с нею в Крыму не могли не удивляться той удивительной стойкости, с которой она переживала обрушившиеся на неё невзгоды и треволнения, тому, с каким достоинством она встречала их. Вот, например, как описывает императрица некоторые эпизоды революционной поры:

3 марта 1917 г.: «Спала плохо. Находилась в сильном душевном волнении. Поднялась в начале 8-го утра. В 9 ¼ пришёл Сандро с внушающими ужас известиями – как будто бы Ники отрёкся в пользу Миши. Я в полном отчаянии! Подумать только, стоило ли жить, чтобы когда-нибудь пережить такой кошмар! Он (*Сандро*) предложил поехать к нему (*Ники*), и я сразу согласилась. Видела Свечина, а также моего Киру (*Нарышкина*), который прибыл из Петербурга, где на улицах стреляют. Долгоруков также прибыл оттуда сегодня утром и рассказал о своих впечатлениях. Бедняга Штакельберг убит в своей комнате. Какая жестокость! Навестила Беби (*В.кн. Ольгу Александровну*) в надежде, что она тоже поедет с нами, но она ещё не выздоровела. Я нахожусь от всего в полном отчаянии! Мы попрощались в 8 часов. Поехала даже не на своём собственном поезде, который в настоящий момент находится в Петербурге».

С апреля 1917 г. Мария Фёдоровна находилась в Крыму, в имении своего зятя великого князя Александра Михайловича Ай-Тодор. И здесь утром 26 апреля она подверглась обыску со стороны представителей Севастопольского совета (заметим, что это был период, когда у власти находились вовсе не большевики, а демократическое Временное правительство): «В этот день в 5 ½ часов утра, когда я ещё крепко спала, меня неожиданно разбудил стук в дверь. Дверь была не заперта, и я с ужасом в полумраке разглядела мужчину, который громким голосом объявил, что он послан от имени правительства для проведения в доме обыска на предмет выявления сокрытых документов, которые ему в случае их обнаружения приказано конфисковать... Я едва успела набросить на себя халат и надеть домашние туфли... Поскольку я была лишь в лёгком одеянии и «прекрасной» ночной причёской, мне ничего не оставалось, как спрятаться за ширму, в то время как эта дрянь начала срывать с постели всё бельё, просты-

ни вместе с подушками и матрасом на пол, чтобы посмотреть, не спрятаны ли там какие документы... Все фотографии, все бумажки, на которых было хоть что-то написано, эти негодяи забрали с собой. Я резко выразила им своё неудовольствие; правда, не помню точно, что именно я говорила, настолько я была вне себя. Помню только, как офицер довольно обиженным тоном заявил: «Вы меня оскорбляете», на что я резко ответила: «Не я вас оскорбляю, а вы меня». Они открыли все мои ящики, даже те, в которых хранились драгоценности. Всё-всё перерыл он и двое мерзких рабочих, которые шныряли по моим шкафам, прошупывая каждую юбку, каждое платье, пытаюсь найти что-то скрытое в них. Даже икону, подаренную мне моими родными, они взяли с собой... Лейтенант перешёл в мою гостиную, где, усевшись за мой письменный стол, опустошил все его ящики, в которых я хранила связки писем, среди прочих от моего любимого Саши, моего ангелочка Джорджи и, кроме того, датское Евангелие, которое подарила мне мой ангел Мама! ... Таким образом, мои самые дорогие, самые святые реликвии исчезли. Поистине что-то невообразимое!...» Кстати, относительно этого Евангелия, великий князь Александр Михайлович в своих мало достоверных, но часто цитируемых, воспоминаниях приводит детективный рассказ о том, что это Евангелие, якобы, потом купил в одном из букинистических магазинов в России какой-то датский дипломат и привёз в Данию Марии Фёдоровне. Эта история начисто опровергается дневниками: Евангелие и семейные письма всё-таки вернули «в грязном мешке из-под угля» 20 июня. Так что эти сведения из воспоминаний Александра Михайловича, как, впрочем, и многие другие, можно считать эффектным вымыслом. Унижения и притеснения со стороны новых властей не прекратились.

1 июня «из Севастополя прибыла комиссия, и всех наших отвели в Свйтский дом на своего рода суд, где каждому из нас поодиночке предстояло ответить на вопросы в связи с обысками 26 апреля... Признаться, я была настолько возмущена этой новой неожиданной гнусной выходкой, что меня затрясло от негодования и ярости, когда я вошла в помещение и увидела, как они сидели за длинным столом в роли судей, готовые допрашивать меня, точно какого-то вора или убийцу... Эта отвратительная комедия продолжалась примерно полчаса... Потом я наконец-то покинула это мерзкое сборище. Пот катился с меня градом, и лицо пылало от гнева...». Да, императрицу Марию Фёдоровну не так-то легко было запугать... А вот запись от 4 ноября 1917 г.: «Из Севастополя вернулись наш комиссар Вершинин и Жоржелиани и кое о чём рассказали, среди прочего о том, что Зимний дворец наполовину разрушен и разграблен, последнее в особенности касается покоев моего любимого Ники и Алики – какая подлость! Великолепный портрет Ники кисти Серова эти скоты вытащили из рамы и вышвырнули в окно, а когда какой-то мальчик поднял его, желая спасти, негодяи вырвали холст у него из рук и разорвали на куски. В настоящий момент никакого правительства нет и в помине. Мы уподобились судну, плывущему по штормовому морю без руля и ветрил. Керенский исчез, и всё теперь в лапах у большевиков...». До Марии Фёдоровны, конечно же, доходили слухи и о гибели Царской семьи, но надежда не могла исчезнуть

из её души, она жадно ловила любую информацию о судьбе своих родных, верила в их спасение.

Несмотря на все сложности, императрица оставалась непреклонной по отношению к Германии и немцам. Она считала, что все беды и нестроения России имеют источником именно немцев: и захват власти большевиками, и провозглашение Скоропадского гетманом... А на предложения помощи во время германской оккупации Крыма со стороны немецких военных (по сути, спасших её от смерти !) отвечала категорическим отказом. Очень долго она не могла решиться и покинуть Россию на британских кораблях, отказывая также уехать в Румынию. Первые реальные предложения на сей счёт стали поступать ещё в сентябре 1918 г. Но императрица медлила, и только 7 апреля 1919 г., наконец, ступила на борт корабля «Мальборо». Она, видимо, понимала, что уезжает навсегда, и принять такое решение ей было очень тяжело. И вот утром 11 апреля крымский берег уходит за горизонт... «Я поднялась на палубу как раз в тот момент, когда мы проходили мимо корабля адмирала, на котором играла музыка. У меня сердце разрывалось при виде того, что этот прекрасный берег мало-помалу скрывался за плотной пеленой тумана и наконец исчез за нею с наших глаз навсегда. Позднее установилась замечательная, ясная и тихая погода. Забыла вчера написать, что благодаря моим мольбам всех наших несчастных офицеров охраны взяли на борт английского корабля. Он прошёл в непосредственной близости от нас в полной тишине, которую внезапно нарушили громкие крики «ура!», не смолкавшие до тех пор, пока мы могли слышать их. Этот эпизод, в равной мере красивый и печальный, тронул меня до глубины души». Россия и её прежняя жизнь остались позади...

Так в чём же всё-таки секрет императрицы? Что помогло ей выстоять в круговерти жизненных бурь? Своими дневниками она даёт ответ и на этот вопрос. Это то самое, потрясающее чувство собственного, внутреннего мироощущения, которое было столь характерно для русской эмиграции первой волны. Чувство безмятежности и неколебимости своего внутреннего мира, который не в состоянии изменить или затронуть никакой внешний «толчок» – тот самый стержень личности, который позволял русским эмигрантам первой волны всегда оставаться самими собой во всех сложных и жёстких жизненных ситуациях. То, что было так характерно и для Николая II, и то, что, очевидно, воспитала в нём и сама Мария Фёдоровна. При всех горестях и тревогах императрица почти каждую запись своих дневников начинает со слов о погоде. Она умеет находить красоту в природе и в окружающем мире, может воспринимать её, любуясь с балкона предстоящей грозой, находить отдохновение и успокоение в самых, казалось бы, незначительных, обыденных вещах – она *живёт*, несмотря ни на что. И, конечно, одним из «фундаментов» этого стержня всегда и везде остаётся для неё вера в Бога. «Только Всевышний поможет мне найти верное решение» – эти слова, как рефрен звучат со страниц дневников.

Всевышний упокоил её в соборе датского Роскильда, рядом с любимыми родителями. А теперь её слова и дела возвращаются на Родину, и мы вспоминаем о ней.